

БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги о русскомъ расколѣ.

I.

„Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ“. Изданіе II (А. Е. Бѣляева). СПб. 1904. Ц. 15 к.—А. А. Кизеветтеръ. Протопопъ Аввакумъ. Изданіе „Донская Рѣчь“. Ростовъ на Дону, 1904. Ц. 8 к.

Среди историческихъ дѣятелей второй половины XVII вѣка знаменитый первоучитель и законоположникъ старообрядческаго раскола, „священнопротопопъ“ Аввакумъ, безспорно, долженъ быть признанъ однимъ изъ наиболѣ яркихъ и типическихъ. Настоящій сынъ своего времени и своего народа, плоть отъ плоти его и кость отъ его костей, онъ совмѣщаетъ въ себѣ, наряду съ яркими индивидуальными признаками незаурядной натуры, всѣ наиболѣ устойчивыя, типическія черты національнаго характера, давшія такой своеобразный строй жизни до-петровской Руси. Не удивительно, поэтому, что личность „богатыря-протопопа“ издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей нашего прошлаго, и уже не разъ, не считая обще-историческихъ трудовъ, дѣлались попытки очертить ее—то въ объемѣ цѣлой, болѣе или менѣе обширной монографіи (труды проф. А. Бороздина и В. Мякотина), то въ рамкахъ краткаго историко-психологическаго этюда (проф. Яроша), то въ формѣ художественнаго повѣствованія (романъ Л. Мордовцева—„Великій расколъ“).

Помимо той крупної исторической роли, какая выпала на долю протопопа Аввакума въ трагической борьбѣ „старого“ съ „новымъ“ на почвѣ религиозной обрядности, особый интересъ къ его личности до известной степени можетъ быть объясненъ еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что для изученія ея современный историкъ имѣетъ подъ руками чрезвычайно благодарный матеріаль. Разумѣемъ то самое „Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ“, появленіе котораго въ новомъ печатномъ изданіи дало поводъ для настоящей библиографической замѣтки. Лицамъ, интересующимся прошлыми судьбами нашего старообрядческаго раскола, названное произведеніе давно и хорошо известно. Для нихъ это прежде всего—драгоценный историческій памятникъ, не только богатый интересными фактическими подробностями, но и проливающий яркій свѣтъ на психологію того религиозно-націоналистическаго движенія, которое привело „старовѣровъ“ къ ихъ формальному обособленію и замкнутости въ вѣроисповѣдномъ и бытовомъ отношеніяхъ. Но самое это обособленіе численно весьма значительныхъ массъ представляетъ настолько крупный фактъ въ исторіи нашей общественности, что и для историка этой послѣдней автобіографія одного изъ самыхъ видныхъ вождей въ борьбѣ народныхъ массъ за свои традиціонныя воззрѣнія и вѣрованія должна представлять въ высшей степени любопытный историческій матеріаль. Значеніе его въ томъ и другомъ отношеніи не много ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что содержащаяся въ немъ данныя сплошь да рядомъ имѣютъ слишкомъ субъективную окраску. Это—общее свойство подобнаго рода историческихъ памятниковъ и, при надлежащемъ отношеніи къ нему, быть можетъ, даже не недостатокъ: оно даетъ возможность позднѣйшему исследователю заглянуть нѣсколько дальше внѣшнихъ фактовъ, отмѣчаемыхъ оффиціальными документами или спокойнымъ разсказомъ безстрастнаго повѣствователя. Интересъ и значеніе „Житія“ станутъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что оно есть не только важный историческій источникъ, но и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской литературы второй половины XVII в., выдающійся по художественной яркости образовъ и живой выразительности народнаго языка.

При такихъ качествахъ названнаго произведенія вполне понятно, что оно уже не въ первый разъ появляется въ печатныхъ изданіяхъ. Еще въ 1861 г. „автобіографія протопопа Аввакума“ была издана проф. Н. С. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ (т. III, отд. 2, стр. 117—173) и отсюда перепечатана затѣмъ особою книжкою (изд. Кожанчикова) подъ заглавіемъ: „Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное“ (СПБ. 1862). Уже давно было указано, что это изданіе не устраняло надобности въ другомъ, болѣе удовлетворительномъ, какъ „сдѣланное по списку *весьма неисправному* и не съ большой тщательностью“ (см. предисловіе къ V тому „Матеріаловъ для ист. раск.“, изд. проф. Н. И. Субботинимъ, стр. XXII—XXIII; тамъ же, подъ строкою, приведены примѣры очевидныхъ искаженій въ словахъ и ошибокъ въ пунктуаци, допущенныхъ въ изданіи Тихонравова). Потребность въ новомъ изданіи „Житія“, соотвѣтствующемъ научно-издательскимъ требованіямъ и достоинствамъ самого памятника, нашла себѣ удовлетвореніе съ выходомъ въ свѣтъ V тома названныхъ сейчасъ „Матеріаловъ“. Здѣсь текстъ автобіографіи знаменитаго расколовожда изданъ со всею тщательностью по одной изъ рукописей Хлудовской бібліотеки, а подъ строкой даны разночтенія изъ двухъ другихъ рукописей и прежняго печатнаго изданія. Само собою понятно, что это послѣднее утрачивало теперь всякое значеніе, и обращаться къ нему впредь, особенно при научныхъ работахъ, было бы уже странно. Къ сожалѣнію, и прекрасное изданіе проф. Субботина, выпущенное еще въ 1879 г., уже давно успѣло сдѣлаться бібліографическою рѣдкостью. Слѣдуетъ замѣтить, кромѣ того, что послѣ выхода въ свѣтъ V тома „Матеріаловъ“ сдѣлался извѣстнымъ еще одинъ списокъ „Житія“ (въ ркп. Казанской Дух. Академіи), представляющій нѣсколько важныхъ отличій сравительно съ ранѣе изданными текстами. Подробно описанная ранѣе г. Бороздинимъ въ „Христ. Чтеніи“ за 1888 г. (№ 9—10), эта редакція интересующаго насъ памятника издана потомъ сполна въ „приложеніяхъ“ къ монографіи названнаго автора: „Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ“ (СПБ. 1898), стр. 85—132. Новое изданіе, не устранивъ надобности въ предыдущемъ, сдѣлало

только еще болѣе желательнымъ повтореніе его въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ, дающемъ сопоставленіе текстовъ „Житія“ въ обѣихъ его редакціяхъ. Во всякомъ случаѣ, серьезному и знающему свое дѣло издателю, казалось бы, на будущее время не могло даже придти въ голову ограничиться простою перепечаткою труда одного изъ своихъ предшественниковъ.

Съ такою именно мыслью встрѣтили мы извѣстіе о появленіи въ свѣтъ новаго печатнаго изданія „Житіе протопопа Аввакума“—и порѣшили заглянуть самымъ изданіемъ. Не много, однако, потребовалось усилій для того, чтобы убѣдиться въ ошибочности нашихъ предположеній о характерѣ издательскаго труда г. Бѣляева. Достаточно самаго бѣлаго взгляда на развернутый текстъ выпущенной имъ брошюрки, чтобы убѣдиться, что здѣсь нѣтъ мѣста сопоставленію различныхъ редакцій издаваемаго памятника или различныхъ его списковъ. „Житіе“ напечатано безъ всякихъ варіантовъ и—очевидно—не для научныхъ цѣлей, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ было бы необходимо, по меньшей мѣрѣ, указаніе хотя бы на тотъ *единственный* списокъ, по которому оно издано. Для изданія популярнаго, рассчитаннаго на ознакомленіе болѣе широкаго круга читателей съ даннымъ произведеніемъ, конечно, и это требованіе не обязательно. Но чего нельзя не признать безусловно обязательнымъ даже и для такого изданія (если только оно не есть продуктъ беззащитной рыночной предприимчивости),—это то, чтобы воспроизводимый въ немъ текстъ былъ данъ въ возможно - исправномъ видѣ, соотвѣтственно результатамъ предшествующихъ ученыхъ работъ по его установленію. Между тѣмъ, разсматриваемая брошюра, при ближайшемъ ознакомленіи съ ней, оказывается простою перепечаткою ранѣе названнаго изданія проф. Тихонравова, съ точнымъ соблюденіемъ не только всѣхъ, давно уже отмѣченныхъ, ошибокъ своего оригинала, но даже и его опечатокъ. Число послѣднихъ увеличено только нѣсколькими новыми (стр. 5, 17, 18), да въ самомъ заглавіи памятника сдѣлана зачѣмъ-то перестановка словъ („написанное имъ самимъ“ вм. „имъ самимъ написанное“, какъ въ изд. Тихонравова). Все это невольно заставляетъ недоумѣвать: кому и зачѣмъ понадо-

билось *такое* изданіе, когда то же самое дѣло весьма легко могло быть выполнено несравненно лучше.

Что касается брошюры г. Кизеветтера, то она по содержанию своему распадается на двѣ почти равныя части. Первая (стр. 3—14) представляет собою довольно бѣглую характеристику древне-русскаго общества во второй половинѣ XVII в., въ эпоху той духовной смуты и раздвоенія между старыми и новыми жизненными началами, на почвѣ которой возникъ старообрядческій расколъ. Авторъ возстаетъ противъ пользующагося, по его словамъ, значительнымъ распространеніемъ мнѣнія о русскомъ обществѣ указанной эпохи, какъ о „собраніи какихъ-то полуавтоматовъ, превратившихъ все свое существованіе въ сплошную, однажды навсегда заученный обрядъ и неспособныхъ ни безпокойно мыслить, ни безпокойно чувствовать“,—и въ противоположность этому старается доказать, что „эти странные люди въ неудобныхъ и неуклюжихъ костюмахъ имѣли свои отвлеченные интересы и умѣли пламенно волноваться, бороться и даже погибать ради служенія своимъ идеаламъ“ (стр. 4). Мы не знаемъ, какую среду читателей имѣлъ въ виду почтенный авторъ, предполагая въ ней столь превратныя представленія о духовной жизни нашихъ предковъ въ моментъ крупнаго культурнаго перелома, уже носившаго въ себѣ явные задатки послѣдующихъ преобразованій. Во всякомъ случаѣ, едва ли есть большая надобность очень настойчиво разяснять ошибочность опровергаемаго имъ взгляда для людей, знакомыхъ съ нашимъ прошлымъ хотя-бы въ обычныхъ рамкахъ средне-учебнаго курса. А между тѣмъ, на какой иной уровень общаго развитія можно рассчитывать, говоря объ „атмосферѣ идейной борьбы противоположныхъ міросозерцаній“ (стр. 9)? Вотъ почему намъ думается, что усилія, затрачиваемыя авторомъ въ первой половинѣ его брошюры, пожалуй, до известной степени излишни. Нельзя не замѣтить еще, что изображаемая здѣсь противоположность стараго и новаго направленія въ русскомъ обществѣ XVII в. страдаетъ по мѣстамъ излишнею сгущенностью красокъ, преднамѣренно рассчитанной на большую яркость впечатлѣнія. Таково, напр., замѣчаніе автора о переимѣнѣ въ области церковной живописи: „стѣны храмовъ, съ которыхъ ранѣе на молящихся смотрѣли все темные, однообразные лики угодни-

ковъ, вдругъ ожили и заискрились“, съ появленіемъ новой, такъ наз. фряжской манеры иконнаго письма, „полными правды и человѣкоподобія изображеніями: каждый святой выглядѣлъ теперь на этихъ новыхъ иконахъ со своей индивидуальной фizioноміей, со своими характерными чертами“ (стр. 7—8). Нельзя отрицать, конечно, условности и извѣстнаго типическаго однообразія стариннаго византійскаго письма; но едва-ли справедливо преувеличивать индивидуальную характерность и жизненную правду тѣхъ изображеній, на которыхъ образъ Спасовъ оказывался очень похожимъ на „толстаго нѣмчина“... Вторая половина брошюры (стр. 14—28) рисуетъ на общемъ фонѣ очерченной ранѣ эпохи типичную фигуру могучаго „богатыря—протопопа“, обильно пользуясь данными его автобіографіи. Это—живой и интересный пересказъ наиболѣе яркихъ эпизодовъ изъ жизни знаменитаго расколоводя, съ неподражаемымъ мастерствомъ очерченныхъ имъ самимъ и невольно навѣвающихъ на душу то грустное раздумье, выраженіемъ котораго заканчивается рассматриваемый очеркъ: „жалостью сжимается сердце, когда подумаешь, сколько богатыхъ, поистинѣ богатырскихъ душевныхъ силъ цѣликомъ было растрчено на борьбу за пустыя формы и обряды, въ которыхъ видѣли какой-то таинственный оплотъ національной самостоятельности. Но это сожалѣніе соединяется съ почтительнымъ удивленіемъ передъ мужественною стойкостью и страстнымъ одушевленіемъ людей, которые умѣли превращать жизнь въ сплошной идейный подвигъ и смѣло ити на смерть за свои убѣжденія“.

Брошюра г. Кизеветтера назначена, конечно, не для специалистовъ расколовѣднія; но тѣмъ, кто интересуется этою областью явленій русской жизни *между прочимъ*, она можетъ быть рекомендована, какъ живой и занимательный очеркъ эпохи возникновенія раскола и личной судьбы одного изъ наиболѣе видныхъ ея дѣятелей.

II.

Пругавикъ А. С. Религіозные отщепенцы. (Очерки современнаго сектантства). Вып. 1 и 2. СПБ. 1904. Ц. за кажд. вып. 1 руб.—*Его же*—Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка. Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. М. 1904. Ц. 1 руб.—*Его же*. Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. СПБ. 1905. Ц. 25 коп.—*Его же*.—Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. (Къ вопросу о вѣротерпимости). М. 1905. Ц. 60 к.

Названныя книжки и брошюры принадлежатъ всё перу одного и того же автора, занимающаго вполне опредѣленное положеніе среди изслѣдователей русскаго старообрядческаго раскола и сектантства. Это—одинъ изъ наиболѣе прямолинейныхъ и послѣдовательныхъ представителей того взгляда на сектантство и расколъ, по которому названныя явленія духовной жизни нашего народа являются показателями „крупнаго умственнаго прогресса“ народныхъ массъ, выразителями потребностей и нуждъ нашей общественной жизни, далеко выходящихъ за черту чисто-религіозныхъ интересовъ. Эта точка зрѣнія, представляющая одностороннюю противоположность столь же одностороннему, исключительно обличительному изученію нашего расколо-сектантства, налагаетъ особый отпечатокъ какъ на подборъ излагаемыхъ фактовъ, такъ и на ихъ освѣщеніе подъ перомъ нашего автора. Разумѣется, это обстоятельство не уменьшаетъ цѣнности самыхъ фактовъ, въ подборѣ которыхъ собственно и заключается, на нашъ взглядъ, весь интересъ и значеніе довольно многочисленныхъ произведеній г. Пругавина, посвященныхъ данному предмету. Къ сожалѣнію, полубеллетристическая форма нѣкоторыхъ изъ нихъ способна иногда ввести въ недоумѣніе читателя, для котораго остается неяснымъ, гдѣ кончается точное воспроизведеніе наблюдаемаго факта и начинаются субъективныя догадки или обьективированныя репродукціи личныхъ впечатлѣній автора. Подобный пріемъ, съ какой бы стороны (сочувственной или

враждебной расколо-сектантству) онъ ни примѣнялся, кажется намъ безусловно неумѣстнымъ въ премѣненіи къ данной сферѣ наблюденія: слишкомъ серьезенъ предметъ, чтобы при обсужденіи его можно было безнаказанно стирать границы между фантазіей и дѣйствительностью. Забывая объ этомъ, авторъ незамѣтно для себя самого подрываетъ иногда цѣнность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, возбуждая сомнѣніе въ фактической достовѣрности рассказываемыхъ происшествій или дѣйствительной принадлежности расколникамъ и сектантамъ тѣхъ самыхъ словъ и выраженій, въ которыхъ они формулируютъ сущность своего „упованія“ въ діалогахъ, неизвѣстно — записанныхъ авторомъ, или имъ выдуманныхъ. Впрочемъ, это замѣчаніе касается лишь сравнительно небольшого количества статей, находящихся теперь передъ нами, и въ *общемъ* произведеніямъ г. Пругавина нельзя отказать въ значеніи очень интереснаго „материала для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы познакомиться съ происходящими у насъ въ послѣднія десятилѣтія религиозно-бытовыми движеніями русскаго народа“. Такъ именно смотритъ на нихъ и самъ авторъ, рѣшившійся переиздать, въ видѣ небольшихъ сборниковъ, свои статьи о расколѣ и сектанствѣ, напечатанныя въ разное время на страницахъ различныхъ газетъ и журналовъ. Не вдаваясь въ подробный обзоръ содержанія вышеназванныхъ книжекъ, ограничимся лишь бѣглымъ перечнемъ того, что въ нихъ заключается.

Болѣе половины перваго выпуска „Религіозныхъ отщепенцевъ“ занимаетъ очеркъ „Сютаевцы“, очень интересный по сообщаемымъ здѣсь свѣдѣніямъ о личности основателя этой секты и непосредственнымъ наблюденіямъ автора надъ жизнью его и его ближайшихъ послѣдователей. Къ сожалѣнію, къ этому очерку, равно какъ и къ двумъ слѣдующимъ за нимъ („Апостоль Зосима“ и „Еретики“, — въ послѣднемъ рѣчь идетъ объ Адрианѣ Пушкинѣ, заключенномъ за свои религіозныя убѣжденія въ Соловецкую монастырскую тюрьму), въ значительной степени примѣнимо сдѣланное выше замѣчаніе о неудобствахъ полубеллетристической формы для произведеній, претендующихъ на значеніе матеріала для точнаго діагноза болѣзненныхъ формъ нашей внѣцерковной религіозности. Второй выпускъ того же сборника

болѣе разнообразенъ по содержанію. Въ немъ, кромѣ небольшого предисловія (нѣсколько строкъ изъ него приведены нами выше), помѣщено семь статей, идущихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Немоляки“, „Медальщики“, „Вредныя секты“, „Новая секта“, „Штунда среди великороссовъ“, „Бѣлоризцы“ и „Интеллигентная секта“. Читатель не сразу догадается по заголовку послѣдней статьи, что въ ней рѣчь идетъ о послѣдователяхъ сумазброднаго и кощунственнаго ученія штабсъ-капитана Ильина, такъ называемомъ „Десномъ Братствѣ“, проповѣдующемъ „Сіонскую вѣсть“ о томъ, что церковныя таинства суть мерзость вавилонской блудницы, а гражданскіе „чины и красныя штаны—дурь и прелесть сатаны“; да и самое содержаніе статьи едва-ли дастъ достаточное полное и вѣрное представленіе о характерѣ названной секты.—Въ составъ сборника: „Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка“, кромѣ коротенькаго предисловія и вызванной послѣднею переписью замѣтки по довольно уже не новому вопросу о крайне неудовлетворительной постановкѣ у насъ официальной статистики расколосектантства („Два милліона или же двадцать милліоновъ?“), вошелъ рядъ интересныхъ и содержательныхъ очерковъ: „Уральское старообрядчество“, „Отчего растетъ расколъ (официальное рѣшеніе вопроса)“, „Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ“, „Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости“ и небольшая статейка о старообрядческомъ епископѣ Саввагіи. Первый изъ этихъ очерковъ любопытенъ по сообщаемымъ въ немъ свѣдѣніямъ о тщетныхъ попыткахъ довольно значительныхъ группъ мѣстныхъ раскольниковъ добиться официального признанія ихъ таковыми, между тѣмъ какъ они на бумагѣ числятся единовѣрцами или православными. Статья о культурной жизни въ расколѣ содержитъ въ себѣ еще болѣе любопытныя данныя о попыткахъ раскольниковъ завести собственную школу и о постановкѣ книжнаго дѣла въ раскольнической средѣ. Самая обширная статья въ сборникѣ—о суздальскихъ заточникахъ изъ числа раскольническихъ архіереевъ, изданная ранѣе авторомъ и въ видѣ отдѣльной брошюры, но теперь значительно дополненная, представляетъ двойной интересъ: помимо біографическихъ свѣдѣній о четырехъ старообрядческихъ іерархахъ, изъ которыхъ одинъ и умеръ въ стѣнахъ

суздальской монастырской тюрьмы, сообщаемыя здѣсь данныя выясняютъ до изв. степени и роль этой послѣдней, какъ одного изъ средствъ борьбы съ религіозными заблужденіями... Болѣе подробно на этой сторонѣ дѣла останавливается авторъ въ особомъ, позже другихъ появившемся сборникѣ, въ составъ котораго вошли три статьи: „Монастырскія тюрьмы и монастырскіе узники“, „Конецъ Соловецкой тюрьмы“ и „Монастырскія заточенія послѣдняго времени“. На основаніи архивныхъ данныхъ и разныхъ другихъ источниковъ авторъ рисуесть тяжелую обстановку и невозможныя условія монастырскаго заключенія, невольно подсказывавшія теперь уже осуществившееся пожеланіе: „да, давно, давно пора исчезнуть изъ жизни этому пережитку среднихъ вѣковъ, этому мрачному отголоску далекихъ временъ“...

Всѣ названныя книжки г. Пругавина (и въ особенности послѣдняя) по внѣшности изданы очень хорошо, даже изящно, и если принять во вниманіе, съ одной стороны, то обстоятельство, что въ нихъ много интереснаго фактическаго *матеріала*, съ другой—трудность разыскивать по періодическимъ изданіямъ старыхъ годовъ статьи, въ нихъ напечатанныя, появленіе этихъ сборниковъ можно привѣтствовать, какъ дѣло во всякомъ случаѣ не бесполезное.

III.

Артоболовскій С. Игнатій, архіепископъ воронежскій, и его пастырско-миссіонерская дѣятельность. Историко-біографическое изслѣдованіе. Уфа 1904. Стр. 484+V.

Обширное произведеніе, заглавіе котораго нами только-что выписано, должно быть отнесено къ числу пріятныхъ новинокъ нашей обширной, но не богатой серьезными, вполне научными трудами, литературы расколовѣдѣнія. Предметъ его—очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ наиболѣе видныхъ начинателей разработки исторіи старообрядческаго раскола и практическихъ борцовъ съ нимъ, усердно, подвижавшагося на миссіонерскомъ поприщѣ въ качествѣ писателя—полемиста и съ полномочіями архипастыря (послѣдовательно на трехъ каедряхъ: Олонецкой, Донской и Воро-

нежской). Уже изъ этого можно видѣть обширность задачи, принятой на себя г. Артоблевскимъ, и неизбѣжныя трудности, которыя нужно было преодолѣть при ея выполненіи. Даже и въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о болѣе узко очерченномъ кругѣ дѣятельности плодовитаго писателя о расколѣ и противъ раскола, не осложненной долгомъ пастырскаго служенія, трудъ изслѣдователя былъ бы не изъ очень легкихъ. Не говоря уже о другихъ произведеніяхъ преосв. Игнатія, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ данной области, изъ-подъ его пера вышло пять обширныхъ сочиненій, прямо посвященныхъ изученію раскольническихъ заблужденій, въ томъ числѣ—первая въ нашей литературѣ „Исторія о расколахъ въ русской церкви“ (если не считать произведенія прот. А. Журавлева: „Полное историч. извѣстіе“, написаннаго съ совершенно иными приѣмами). А эти литературные труды суть лишь одна, и при томъ не самая важная сторона миссіонерско-пастырской дѣятельности приснопамятнаго іерарха. Во всякомъ случаѣ, не меньшихъ усилій требовали отъ него и не меньшаго вниманія заслуживаютъ тѣ практическія мѣропріятія, направленныя къ ослабленію раскола, какія съ замѣчательною вѣрностью и широтою пониманія примѣнялъ ревностный архипастырь среди различнаго по своему составу и духовному состоянію населенія епархій, находившихся подъ его руководствомъ. Изученіе этой стороны его дѣятельности, безъ сомнѣнія, должно было представить гораздо большія трудности уже по самому характеру источниковъ, которыхъ лишь съ большими усиліями нужно было разыскивать въ разныхъ мѣстныхъ архивахъ. И г. Артоблевскій съ честью вышелъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій. На страницахъ его почтеннаго труда съ рѣдкою обстоятельностью и документальною точностью представлены во всѣхъ подробностяхъ пастырскіе заботы и труды преосв. Игнатія по вразумленію заблуждающихся, въ связи съ не менѣе серьезно разработанной характеристикой и той среды, духовными нуждами которой вызывалась эта дѣятельность. Умѣлою рукою развертывается передъ глазами читателя интересная и живая картина прошлаго, и онъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдитъ отъ начала до конца за изложеніемъ автора, проникнутымъ любовью къ свѣтлой памяти почившаго іерарха нашей отечественной церкви.

Планъ изслѣдованія какъ нельзя болѣе простъ и естественъ. Оно начинается введеніемъ (стр. 5—34), въ которомъ, послѣ краткихъ предварительныхъ замѣчаній о личности преосв. Игнатія и указанія тѣхъ архивныхъ, рукописныхъ матеріаловъ, какими пользовался авторъ при составленіи своего труда, излагаются біографическія свѣдѣнія о преосвященномъ до назначенія его на Олонецкую епархію. Заботливо и умѣло группированныя здѣсь данныя являются не внѣшнимъ только придаткомъ къ дальнѣйшему изслѣдованію, вызваннымъ требованіями біографической полноты: передъ нами шагъ за шагомъ проходитъ тотъ путь, которымъ не совсѣмъ обычная судьба подготовляла сына бѣднаго покшенгскаго пономаря къ его будущей широкой и разнообразной пастырско-просвѣтительной дѣятельности. Изображеніе миссіонерско-пастырскаго служенія преосв. Игнатія сперва въ Олонецкой, а потомъ въ Донской и Воронежской епархіяхъ составляетъ содержаніе двухъ главъ I части изслѣдованія (стр. 35—268). Достаточно просмотрѣть хотя бы лишь оглавленіе первой изъ нихъ, чтобы видѣть, какъ широко охватывала заботливость олонецкаго первосвятителя духовныя нужды своей паствы, среди которой расколъ старообрядчества составлялъ застарѣлое, вѣковое зло, и какъ тщательно подбираетъ рука внимательнаго изслѣдователя изъ обильнаго сырого матеріала разнообразныя данныя, нужныя для характеристики и той темной среды, которую преосв. Игнатій считалъ своимъ преимущественнымъ „жребіемъ“, и ближайшихъ сотрудниковъ его на поприщѣ миссіонерскаго дѣланія, и самыхъ мѣропріятій къ ослабленію раскола, далеко не исчерпывающихся казенными объѣздами епархіи, да обличительными бесѣдами и проповѣдями противъ раскольническихъ заблужденій. Глубокое и вѣрное пониманіе архиереемъ причинъ вѣковой устойчивости раскола присоединило къ этимъ мѣропріятіямъ заботы и труды по возвышенію умственнаго и нравственнаго уровня приходскаго духовенства, улучшенію его матеріальнаго обезпеченія въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, установленію болѣе близкихъ и живыхъ связей, болѣе тѣснаго духовнаго общенія пасомыхъ и пастырей—въ домашнихъ бесѣдахъ, въ молитвѣ, въ благолѣпномъ священнослуженіи; попеченія объ умноженіи приходовъ и церквей въ предѣлахъ епархіи, о внутреннемъ и внѣшнемъ

благолѣпнѣи храмовъ, о распространеніи грамотности среди темныхъ народныхъ массъ... Читая обо всемъ этомъ, невольно проникаешься благодарною памятью къ пастырско-просвѣтительной дѣятельности ревностнаго іерарха, въ которой такъ много поучительнаго и для нашихъ временъ. Очеркъ этой дѣятельности за время пребыванія его на кафедрахъ Донской и Воронежской сравнительно менѣе содержателенъ, что и понятно, если принять во вниманіе, что управление этими двумя епархіями было гораздо менѣе продолжительно; къ тому же и въ пользованіи матеріалами, собранными для этого отдѣла своего труда, авторъ, вслѣдствіе несчастной случайности, былъ поставленъ въ очень неблагопріятныя условія. Дѣла воронежской и донской дух. консисторій цитуются имъ на память, такъ какъ весь собранный въ этихъ архивахъ матеріалъ у него сгорѣлъ, собрать же вновь онъ не имѣлъ возможности (стр. 11). Нельзя не пожалѣть объ этой досадной неудачѣ, хотя, по замѣчанію самого изслѣдователя, утраченный такимъ образомъ матеріалъ не имѣлъ особенной цѣнности и не могъ внести существенныхъ дополненій въ его работу.—Вторая часть книги (стр. 269—415) содержитъ обзоръ и оцѣнку литературныхъ трудовъ преосв. Игнатія, какъ историка и полемиста противъ русскаго раскола старообрядчества. Она состоитъ изъ краткаго предварительнаго историко-библіографическаго очерка противораскольническихъ трудовъ архіеп. Игнатія и двухъ главъ, изъ которыхъ въ первой рѣчь идетъ объ историческихъ взглядахъ преосв. автора на старообрядческій расколъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ двухъ его сочиненіяхъ: упомянутой выше „Исторіи о расколахъ“ и въ историко-полемическомъ изслѣдованіи „Истина Соловецкой обители“. Въ настоящее время эти труды, конечно, уже утратили свое значеніе и имѣютъ интересъ лишь въ качествѣ моментовъ развитія у насъ историческихъ знаній о русскомъ расколѣ. Такого именно взгляда на нихъ въ общемъ держится и г. Артоболевскій, хотя его все-таки слѣдуетъ упрекнуть въ нѣсколько излишней снисходительности къ недостаткамъ названныхъ произведеній, даже и для своего времени не стоявшихъ на должной научной высотѣ. Вторая глава даетъ сводъ и оцѣнку мнѣній преосв. Игнатія объ основаніяхъ и приемахъ противораскольнической полемики,

равно какъ и опытовъ этой послѣдней въ его миссіонерскихъ „бесѣдахъ“. Исслѣдователь держится при этомъ обычнаго порядка современныхъ руководствъ по обличенію раскола, излагая сперва, по сочиненіямъ покойнаго архипастыря, предварительныя понятія—о догматѣ и обрядѣ, о расколѣ и ереси, о церкви; затѣмъ—полемическія замѣчанія противъ общихъ всѣмъ раскольникамъ мнѣній о мнимыхъ измѣненіяхъ въ Символѣ вѣры, о перстосложеніи и т. п.; наконецъ—разборъ отличительныхъ заблужденій безпоповщинскаго и поповщинскаго толковъ. Такая систематизація не лишена своихъ удобствъ, дѣлая изъ этого отдѣла разсматриваемой книги, быть можетъ, не очень важное, но и не излишнее пособіе при разработкѣ учебнаго курса противораскольнической полемики.—Исслѣдованіе заканчивается заключеніемъ (стр. 417—425), сообщающимъ свѣдѣнія о кончинѣ преосв. Игнатія и передающимъ отзывы современниковъ о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго іерарха.

Къ книгѣ присоединенъ довольно обширный отдѣлъ приложений (стр. 427—484), числомъ 17; изъ нихъ первое содержитъ замѣчанія о трудахъ преосв. Игнатія, не относящихся къ расколу и рукописныхъ, послѣднее—указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ сочиненіи, а остальные—рядъ статистическихъ таблицъ о числѣ раскольниковъ въ Олонецкой епархіи за разные годы управленія ея названнымъ архипастыремъ, о количествѣ священнослужителей, школъ и дѣтей школьнаго возраста и т. п. Въ видѣ особаго приложения въ началѣ книги помѣщенъ портретъ преосв. Игнатія, исполненный фототипіей.

Трудъ г. Артоболовскаго какъ по внутреннимъ своимъ достоинствамъ, такъ и по внѣшности изданія заслуживаетъ похвалы и смѣло можетъ быть рекомендованъ, какъ весьма полезное приобрѣтеніе для семинарскихъ и миссіонерскихъ бібліотекъ.

И. Г.
